

ПОТРЕБНОСТИ, БЛАГА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ

В ПСИХИКЕ ИНДИВИДА

1. ПОНЯТИЕ БЛАГА И ПОТРЕБНОСТИ

1. Блага и потребности разных порядков. Феномен потребности весьма значим по меньшей мере для трех проблемных направлений в изучении индивида. Первое из них касается нормального, здорового функционирования и развития человека, которое немислимо без удовлетворения его потребностей. Второй круг проблем относится к деятельности, активности человека. Здесь рассматриваются пути превращения потребностей в действия и поступки людей и, наоборот, способы насыщения энергии человека конкретными желаниями и целями, т. е. связывания, реализации этой энергии. Третье направление касается соотношения потребностей индивида с потребностями других людей и социальных групп. Здесь ключевой является задача адекватного описания и объяснения механизмов, которые обеспечивают детерминацию деятельности человека как его собственными потребностями, так и потребностями внешних по отношению к нему социальных систем — отдельных людей, малых групп, социальных организаций и институтов, общества и человечества в целом.

Разработка понятия потребности осуществляется разными науками — биологическими, экономическими, психологическими, социологическими и философскими — в значительной степени независимо друг от друга. Каждая из них анализирует потребности индивида только со своей специфической точки зрения, обращая внимание лишь на те их элементы и свойства, которые связаны с ее предметом. В результате научные представления о разных видах потребностей оказываются изолированы друг от друга,

и характеристики отдельных видов часто предстают как свойства всего рода потребностей. Довольно трудно, например, в нынешней теоретической ситуации увидеть об-

щие родовые свойства в таких феноменах, как оборонительные безусловные рефлексы (этология и физиология), потребительский спрос на те или иные товары (экономика), эмоциональные переживания человека по поводу своего статуса в малой группе (психология), интернализированные индивидом социальные ценности (социология).

Смещение общих и специфических характеристик индивидуальных потребностей и возведение специфических (видовых) черт в ранг общих (родовых) приводит к неоправданному сужению объема понятия «потребность», что в свою очередь существенно ограничивает эвристические функции как самого этого понятия, так и связанных с ним теоретических построений. В связи с этим назрела необходимость «вневедомственного» подхода к разнообразным феноменам потребностей, в рамках которого, вероятно, только и можно адекватно соотносить общие и частные, родовые и видовые характеристики всего множества индивидуальных потребностей. Этот же подход позволит понять и механизмы взаимодействия собственных потребностей индивида с потребностями других людей и социальных систем.

В основу такого подхода целесообразно положить *понятия сохранения и развития* (совершенствования) *субъекта*. Научным и обыденным сознанием феномены сохранения и развития воспринимаются как проявления благополучия субъекта,¹ поэтому для их обозначения вполне естественно воспользоваться термином «*благо*».² Этим же термином обозначим те состояния и процессы субъекта и его внешней среды, которые являются *причинами сохранения и развития субъекта*. Для дифференциации итоговых, результативных благ от их предпосылок будем использовать понятие порядка, о котором скажем несколько ниже.

Теперь *определим состояние отсутствия какого-либо блага x термином «потребность в благах x »*. Находясь в подобном состоянии, субъект как бы требует восстано-

¹ По мнению В. А. Геодакяпа, «в качестве обобщенной, единой „цели“ для всех систем может, например, выступать сохранение системой своего существования во времени» (см.: Геодакян В. А. Организация систем — живых и неживых. — В кн.: Системные исследования. 1970, вып. 2, с. 55).

² Иногда говорят «наличное благо», или «благо, имеющееся в распоряжении субъекта». В качестве синонима используют также термин «полезность».

ления своей нарушенной целостности (сохранности) или развития, либо появления отсутствующих условий, обеспечивающих эти результаты. Отсутствующее благо называют предметом потребности.

Таким образом, потребность в благом x — это состояние отсутствия блага $ж$, а благо x — наоборот, отсутствие потребности в нем. Иными словами, появление блага уничтожает (отменяет) или уменьшает потребность, а появление потребности — соответствующее состояние блага. В связи с этим открывается возможность использовать для обозначения благ и потребностей общий термин «ценность». Благо — это позитивная, а потребность — негативная ценность. И наоборот, позитивная ценность (или нечто полезное) — это всегда какое-нибудь благо, а негативная ценность (или нечто вредное) — всегда какая-нибудь потребность (в подобных случаях определение «позитивная» может быть опущено).³

Конечно, такая соотносительная трактовка понятий «потребность» и «благо» оставалась бы мало конструктивной, если бы понятие блага не было определено через понятия сохранения и развития субъекта или через понятие предпосылок для сохранения и развития.

В предложенном нами определении блага объединены два их вида — те состояния, которые сами представляют собой моменты сохранения или результаты развития субъекта, и те, что являются только предпосылками, причинами этих состояний, т. е. приводят к ним по прошествии некоторого времени. Подобное же объединение двух разных видов имеет место и в понятии потребности.

Причинно-следственные отношения между различными благами, а также между соответствующими им потребностями наиболее отчетливо осознаны в рамках экономического анализа. Для описания множества благ, связанных причинно-следственными отношениями, К. Менгер ввел понятие «порядка» благ. Блага, непосредственно предшествующие состояниям сохранения или процессам развития субъекта, он обозначил как блага первого порядка, те же, которые являются их причинами (например, служат для их производства), он назвал благами второго порядка, причины появления благ второго порядка — благами третьего порядка и т. д. Автор иллюстрирует применение

³ О разделении ценностей на позитивные, негативные и нейтральные см.: *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970.

этой системы понятий на примере хлеба и связанных с ним благ. Хлеб, по Менгеру, является благом первого порядка, ибо непосредственно применяется для удовлетворения потребностей в пище; мука, приспособления для выпечки хлеба, труд пекаря, т. е. те факторы, в результате взаимодействия которых производится хлеб, — блага второго порядка; «мельница, пшеница, рожь, труд, нужный для производства муки, и т. д. — представляют блага третьего порядка; поля под хлебами, необходимые для обработки орудия и приспособления, специальный труд земледельцев — блага четвертого порядка».⁴

Основываясь на отмеченной выше симметрии понятий блага и потребности, естественно применить термины порядка и к феномену потребности. Отсутствие блага первого порядка — хлеба, если продолжить приведенный выше пример, будет потребностью первого порядка, отсутствие блага второго порядка — муки, приспособлений для выпечки хлеба и труда пекаря — потребностью второго порядка, отсутствие благ, производящих блага второго порядка — мельницы, пшеницы, труда, нужного для производства муки, — потребностью третьего порядка и т. д.⁵ По аналогии с благами, потребность $n+1$ порядка является причиной потребности n -ного порядка.⁶

⁴ Менгер К. Основания политической экономии. Общая часть. Пер. с нем. Одесса, 1903, с. 9—10. Аналогичные понятия используются в современных экономико-математических исследованиях (см., например: Макаров В. Л., Рубинов А. М. Математическая теория экономической динамики и равновесия. М., 1973).

Кажется, наоборот, естественным считать следствия ценностями более высокого порядка, "чем причины. Но поскольку нам обычно неизвестна полная длина причинно-следственной цепочки, мы не знаем, где поместить точку отсчета для нумерации порядков от причин к следствиям.

⁵ Прямо К. Менгер не использует термины порядка применительно к потребностям, но он употребляет термин «надобность» (Bedarf) в благах первого порядка (предметах потребления) и в благах высшего порядка (средствах производства), что по сути эквивалентно представлению о порядках потребностей (см.: Менгер К. Указ. соч., с. 34—42).

Не следует путать различие между низшими и высшими порядками благ и потребностей с делением благ и потребностей на низшие и высшие по критериям индивидуальной или социальной зрелости.

⁶ Связь между потребностями более высоких порядков и непосредственно значимыми для человека потребностями первого порядка наглядно изображена в стихотворении С. Я. Маршака, которое мы приведем полностью (см. с. 10).

Мы считаем целесообразным называть благами или потребностями первого порядка состояния сохранения и развития субъекта (блага первого порядка) или их отсутствие (потребности первого порядка), а ценностями более высоких порядков — предпосылки для возникновения благ и потребностей первого порядка. Таким образом, мы начинаем счет благ (а значит, и потребностей) с самих состояний сохранения и развития субъекта, а не с их ближайших причин, как делает Менгер.

Наиболее резкими и принципиальными являются различия между благами первого порядка (состояниями сохранности и развитости) и благами более высоких порядков (средствами, обеспечивающими сохранение и развитие), а также между потребностями первого порядка (как нарушениями сохранения и развития) и потребностями более высоких порядков (как нарушениями условий, обеспечивающих сохранение и развитие).

Благо высшего порядка — то, которое через некоторое время (и с определенной вероятностью) превратится в благо первого порядка, потребность высшего порядка — та, которая через некоторое время (и с определенной вероятностью) превратится в потребность первого порядка. Нетрудно заметить, что ценности высших порядков всегда являются элементами некоторых более широких систем — они выступают в качестве блага или потребности только в том случае, если связаны с благами или потребностями более низких порядков.

Признание существования потребностей высоких порядков выводит эти феномены за пространственные границы субъекта, поскольку очевидно, что многие причины отрицательных состояний субъекта лежат вне его. Термин «внешняя потребность» звучит непривычно, мы привыкли ассоциировать потребности с внутренними состояниями

Гвоздь и подкова

Не было гвоздя —	Конница разбита —
Подкова	Армия
Пропала.	Бежит.
Не было подковы —	Враг вступает в город,
Лошадь	Пленных не щадя,
Захромала.	Оттого, что в кузнице
Лошадь захромала —	Не было гвозди.
Командир	
Убит.	

Маршак С. Храбрецы М., 1969, с. 5.

человека. Но на самом деле связь внешней потребности с субъектом не теряется: состояния тех или иных компонентов внешней среды становятся потребностями лишь постольку, поскольку они являются причинами негативных состояний самого субъекта. С благами же происходит прямо противоположное: мы привыкли начинать счет с благ второго-третьего порядка, и потому они воспринимаются нами как нечто, находящееся вовне. На самом же деле конечные результаты — индивидуальные блага первого порядка — это внутренние состояния самого субъекта, проявления его сохранения и развития.

Каждому благу (потребности) обычно соответствует несколько потенциальных благ (потребностей) более высокого порядка. Иными словами, благо (потребность) может появиться благодаря действию любой из целого множества причин. Например, можно утолить голод, съев любое из множества блюд. В свою очередь, для приобретения каждого из этих благ второго порядка существует тоже целый набор вариантов: можно приготовить пищу самому, можно попросить это сделать кого-либо из близких, можно поехать к друзьям, где будет угощение, можно поесть в столовой и т. п.

Даже для реализации такой простой потребности как оказаться в определенной точке окружающего пространства, имеется не одна, а бесчисленное множество возможностей.

Множество взаимозаменяемых инструментальных благ, каждое из которых может служить причиной для появления блага более низкого порядка, называют *функциональными эквивалентами* (точнее было бы говорить: «потенциальными функциональными эквивалентами»). По определению, функционально эквивалентным благам $n+1$ порядка присуща обобщенность по благу n -ного порядка.

Аналогичные зависимости существуют и в сфере потребностей. Здесь, по аналогии, можно было бы использовать термин «*дисфункциональные эквиваленты*».

Во избежание недоразумений необходимо ясно различать объективную и субъективную последовательности потребностей разных порядков. Объективно, как уже говорилось, блага или потребности высших порядков являются причинами, а низших — следствиями, и значит первые предшествуют вторым; на переход от блага или потребности высшего порядка к благу или потребности низшего тратится определенное время. Субъективно же

человек может начать с отражения потребностей (нынешних или будущих) более низкого порядка, а уж затем, идя от этих потребностей, «разматывать» цепочку порождающих или устраняющих их причин. В этом случае образ потребности низшего порядка является причиной, а образы потребностей и благ высшего порядка — следствиями.

Понятие порядка благ и потребностей является обобщением других весьма распространенных в науках о человеке понятий, отражающих причинно-следственные отношения между различными элементами множества благ и множества потребностей.

Речь идет прежде всего о терминологических оппозициях средство—цель и средство—результат.⁷ Первые члены обеих пар описывают благо-причину, а вторые — благо-следствие (цель — ожидаемое субъектом, а результат — реальное следствие). Недостатком этих терминологических пар является малая дескриптивная емкость: они могут охватить лишь два элемента причинно-следственной цепочки благ; преимущества же порядковой терминологии в этом отношении очевидны. Но в рамках двухкомпонентных, двухэтапных схем терминологические оппозиции средство—цель и средство—результат вполне могут использоваться: благо более низкого порядка (следствие) будет при этом обозначаться терминами «цель» и «результат», а благо более высокого порядка — термином «средство». Синонимами этой оппозиции являются понятия инструментального (средство) и терминального, или финального (результат), блага,⁸ промежуточного и конечного блага или цели, этапного и конечного результата.⁹ Благо высшего порядка называют также *ресурсом* для производства благ или удовлетворения потребностей низшего порядка.

Причинно-следственную связь между благом более высокого и более низкого порядков называют инструментальностью первого по отношению ко второму, а тесноту соответствующей связи — степенью инструментальности.

⁷ См.: Трубников Н. Н. Цель, средство, результат. М., 1968.

⁸ Деление ценностей на инструментальные и терминальные проводится, например, М. Рокичем (см.: *Rokeach M. The nature of human values.* New York, 1973).

⁹ *Судаков К. В.* Теория функциональной системы как новый этап изучения целенаправленного поведения животных и человека.— В кн.: Системный анализ механизмов поведения. М., 1979.

Она измеряется вероятностью перехода от предшествующего события к последующему.¹⁰

Симметричная система терминов существует и применительно к потребностям. Но она тоже рассчитана на описание последовательности, состоящей только из двух элементов. К. Левин разделил множество потребностей на собственно потребности (в благах низкого порядка) и квазипотребности (в средствах, в благах более высокого порядка).¹¹ Л. И. Божович в этой связи выделяет потребности, не связанные с цепочкой потребностей более высокого порядка, и потребности, удовлетворение которых предполагает предварительное¹² удовлетворение потребностей более высокого порядка.

Наряду с терминами «потребность—квазипотребность» в психологии и психофизиологии иногда в том же смысле используют разделение потребностей на первичные и вторичные.¹³

Понятие инструментального блага или блага высокого порядка имеет много общего с явлениями, свойства которых характеризуются понятием функции. Существуют различные теоретико-системные определения функции, но в каждом из них подчеркивается, что функция — это свойство одного элемента системы содействовать (т. е. быть причиной) сохранению системы в целом.¹⁴ Благо высшего порядка, по определению, содействует появлению блага низшего порядка, т. е. сохранению и развитию индивида как системы. Следовательно, оно обладает функцией, функционально для данного индивида. Потребность высшего порядка, по определению, порождает потребность низшего порядка, т. е. нарушение сохранности или процесса развития системы; поэтому инструментальная потребность — состояние дисфункциональное для индивида.

¹⁰ Mitchell T. J., Biglan A. Instrumentality theories: current uses in psychology. — *Psychol. Bull.*, 1971, vol. 76, p. 432—454; Mitchell T. R., Expectancy models of job satisfaction, occupational preference and effort: a theoretical, methodological and empirical appraisal. — *Psychol. Bull.*, 1974, vol. 81, p. 1053—1077.

¹¹ Levin K. *Vorsatz, Wille und Bediirfnis*. Berlin, 1926.

¹² Божович Л. И. *Личность и ее формирование в детском возрасте*. М., 1968.

¹³ См., например: Hull C. S. *Principles of Behavior*. New York, 1943.

¹⁴ См., например: Мертон Р. К. Явные и латентные функции.— В кн.: Структурно-функциональный анализ и современной социологии. М., 1968, с. 128; Сетров М. И. Основы функциональной теории организации. Л., 1972, с. 30—31.

Иначе говоря, эту потребность можно определить как отсутствующую или прорванную функциональность.

Блага, соответствующие инструментальным потребностям, обладают важной специфической характеристикой по отношению к другим видам функциональных феноменов: выполнение ими соответствующих функций нестабильно, функциональное состояние наличия блага обязательно чередуется с дисфункциональным состоянием его отсутствия. Между тем многие функции и в системе индивида, и в социальных системах в течение длительного времени отправляются бесперебойно (бесперебойно, например, скелет выполняет функцию носителя мышц и внутренних органов), и потому исполнение этих функций, будучи безусловно полезным, не является отрицанием каких-либо потребностей. Конечно, и в этом случае можно говорить о потребности, но имея в виду не реально существующую, а лишь возможную, условную потребность. Квалификация блага как статичного или как такого, которое отменяет потребность, со временем может измениться: то, что вчера действовало бесперебойно, сегодня может в силу тех или иных причин прерваться.

Из сказанного следует, что хотя существование потребности всегда является отрицанием блага, не всякое благо служит отрицанием потребности. Чтобы благо являлось таковым, ему должно реально предшествовать отклонение параметров системы от того, что составляет состояние ее сохранности или развития, или отклонение параметров среды от тех значений, которые составляют предпосылки сохранения и развития системы.

Определение порядка благ и потребностей, и в особенности установление того, характеризуются ли они низшим или высшим порядком, являются ли самоценными (или близкими к таковым) или инструментальными, — задача весьма актуальная для многих областей науки и практики. Именно вокруг этого вопроса шла в свое время полемика по поводу выводов книги «Человек и его работа».¹⁵ Авторы книги утверждали, что трудовые действия а их непосредственные результаты являются для работника не только отдаленными от целей средствами, но

¹⁵ Человек и его работа/ Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова. М., 1967. О взглядах оппонентов см., например: *Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. М., 1974.

и благами сравнительно низкого порядка; их оппоненты отрицали статус труда как непосредственного блага и рассматривали его исключительно как средство заработка.

В принципе те же самые вопросы применительно к прокреационной деятельности (прокреация — рождение ребенка) обсуждают сейчас демографы.¹⁶

Если исследователь исходит из гипотезы о промежуточном характере некоторого действия индивида, то он стремится понять, какое желаемое благо более низкого порядка стоит за данным действием, т. е. является его целью. В подобных случаях обычно прибегают к терминологическому заострению вопроса, оставляя термин «потребность» только за потребностью низшего порядка (чтобы заострить выбор, всегда нужно использовать разные слова, подчеркивая межвидовые различия и игнорируя элементы внутривидового сходства). При такой «острой» постановке вопроса бессмысленным, например, является выражение «потребность и деньгах», ибо это инструментальная потребность, а вопрос направлен на уточнение потребности первого, или близкого к первому, порядка.

2. Определения потребности, их плюсы и минусы. Многие аспекты существующих определений близки по содержанию к тому, что говорилось выше. Но предложенные выше формулировки представляются более эксплицитными и более общими.

Очевидна, например, близость нашего определения к дефиниции Д. Н. Узнадзе: «... понятие потребности... касается всего, что является нужным для живого организма, но чем он в данный момент не обладает»,¹⁷ а также к афористической формуле М. Г. Кагана, А. В. Маргулиса и А. М. Эткинда: «потребность есть полагание отсутствующего необходимым».¹⁸ Однако в этих определениях потребности, как и в большинстве других, остается нераскрытым смысл терминов «нужное» и «необходимое».

Термин «необходимость», как известно, является средством описания такой причинно-следственной связи между

¹⁶ Вишневский А. Г. О мотивационной оснине рождаемости. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979.

¹⁷ Узнадзе Д. Н. Психология деятельности. Импульсивное поведение. — В кн.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966, с. 366.

¹⁸ Каган М. С., Маргулис А. В., Эткинд А. М. Постановка проблемы потребностей в современной науке. — В кн.: Проблема потребностей в этике и эстетике. Л., 1970, с. 10.

двумя событиями, когда без наступления одного из них не может совершиться другое (чтобы наступило событие *B* никак нельзя *обойти* событие *A*). Следовательно, он бессодержателен, если не указаны соответствующие причина и следствие. В приведенных формулировках причина является определяемым феноменом, а вот следствие должно быть четко указано. Поскольку этого не сделано («живой организм», в определении Д. Н. Узнадзе, — слишком неопределенное понятие до тех пор, пока не указаны его специфические состояния, компоненты или свойства), постольку данные определения являются незаконченными. Наше определение потребности дает один из вариантов его окончания, называя в качестве искомого следствия процессы сохранения и развития субъекта потребности. Возможно, что подобное окончание подразумевается и в рассмотренных формулировках, поскольку с термином «необходимость» часто (но не всегда!) ассоциируются положительные следствия.

Уточнение дополнений к термину «необходимость» посредством понятий «сохранение» и «развитие» содержится в определениях, предложенных другими авторами. Потребность предполагает «нужду индивида в том, что необходимо для поддержания его организма и развития его личности» (Л. И. Божович).¹⁹ «Потребность — нужда или недостаток в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, человеческой личности. . .» (В. А. Ядов).²⁰ Обратим внимание на то, что в двух последних формулировках признак отсутствия блага как элемент понятия потребности обозначается терминами «нужда» или «недостаток». Из некоторых же других определений этот признак либо вообще выпадает, либо сохраняется лишь косвенно — например, как указание на то, что к достижению необходимого *стремятся*²¹ (а значит, в момент существования потребности оно, по-видимому, отсутствует).

¹⁹ Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка. — В кн.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972, с. 41.

²⁰ Ядов В. А. Потребности. — БСЭ. 3-е изд. 1975, т. 20, с. 439.

²¹ «Потребности определяются как те материальные, социальные и духовные условия жизни, достижение которых становится необходимым в процессе развития общества и к достижению которых стремится общество, отдельные его группы и члены» (см.: Вальтук К. К. Целевая функция потребления: анализ и практическое использование. Новосибирск, 1980, с. 103).

Другой вариант определений строится вокруг термина «зависимость». Так, согласно формулировке А. В. Петровского, «потребность — это состояние личности, выражающее зависимость ее от конкретных условий существования».²² По П. В. Симонову, «потребность есть избирательная зависимость живых организмов от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем, побуждение и цель их поведения в окружающем мире».²³ Эти определения по существу выражают тот же смысл, что и определения с термином «необходимость»: ведь если нечто необходимо для моего благополучия, т. е. является его обязательной предпосылкой, то тем самым мое благополучие оказывается зависящим от этой предпосылки: если она есть благополучие повышается, если нет — снижается.

Использование понятий «нужда» «нехватка», «дефицит» в определении потребности способствует суженному, одностороннему истолкованию характера тех отклонений от благоприятных состояний, которые образуют потребность. Эти отклонения часто трактуются лишь как уменьшенные, недостаточные значения тех или иных параметров, например, концентрации питательных веществ в крови человека. Между тем хорошо известно, что существует два вида отклонений от благоприятных состояний индивида в целом или его отдельных подсистем. Одни из них выражаются в недостатке каких-либо веществ, а другие, наоборот, в избыточном количестве определенных факторов.

Один и тот же объект или процесс часто порождает потребности противоположного знака, поскольку его малые количества являются недостаточными, а большие, наоборот, избыточными; оптимальной же для развития и функционирования является средняя зона. Л. Леви и Л. Андерсон, обобщившие огромный фактический материал о влиянии окружающей среды и народонаселения на качество жизни, пришли к заключению, что последнее снижается (т. е. потребности человека удовлетворяются хуже) под влиянием «как избыточности, так и недостаточности в ряде факторов окружения (таких, например, как родительская забота, коммуникация, свобода дейст-

²² Общая психология/ Под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., М., 1976, с. 104.

²³ Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981, с. 21.

вия, безопасность, плотность населения, сенсорная стимуляция, изменения среды обитания)».²⁴

Для разных групп исторических периодов, разных регионов и разных групп населения актуальным является стремление избегать то недостаточные, то избыточные величины некоторого фактора. В то время как для большинства человечества все еще характерен недостаток пищи, недоедание, появились страны, где люди страдают от переедания. Средство удовлетворения потребностей-дефицитов — приобретение дополнительных количеств полезного, средство удовлетворения потребностей-избытков — наоборот, избавление от излишних количеств вредного.

Чтобы «не потерять» отклонения-избытки, в определение потребности иногда прямо включают указание на оба типа отклонений: потребность — состояние, «отражающее недостаток необходимых или избыток вредных для нормального функционирования той или иной системы факторов».²⁵

До сих пор речь шла скорее о различиях в словесной форме определений потребности. Рассмотрим теперь более принципиальные отличия существующих дефиниций от той, что предложена выше. Мы трактуем потребность в благе x как состояние отсутствия этого блага, а в литературе же почти без исключения потребностью в благе x называют состояние, при котором отсутствует *причина*, устранившая это благо. По существу при этом потребность в благе n -ного порядка определяется через отсутствие блага $n+1$ порядка. Именно таков смысл выражений «необходимое для . . .», или «зависимость от . . .», которые присутствуют почти во всех формулировках. Это логически связано и с различиями в трактовке блага. Например, К. Менгер в качестве благ первого порядка рассматривает не сами состояния сохранения или развития субъекта, а лишь наиболее непосредственные причины их наступления — хлеб, а не состояние сытости. Благо первого порядка, по Менгеру, это не отрицание или альтернатива потребности, а *причина*, ведущая к ее отрицанию (удовлет-

²⁴ Леви Л., Андерсон Л. Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. Пер. с англ. М., 1979, с. 24.

²⁵ Шаров Ю. В. Вопросы психологии духовных потребностей.— В кн.: Проблемы формирования духовных потребностей. Новосибирск, 1970, с. 28.

ворению).²⁶ Таким образом, цепочка благ, по определению Менгера, сдвинута на одно звено в сторону благ высших порядков: подлинное благо первого порядка (сытость) он не рассматривает в качестве такового и начинает счет с блага второго порядка (хлеба).

Можно, конечно, пойти по этому пути, исключив само состояние сохранения и развития из числа благ и одновременно определив потребность как нечто, отменяющее это состояние. Но подобная система понятий кажется нам менее удобной.

Изложенная в предыдущем разделе система понятий позволяет дифференцировать два близких, но различающихся вида благ, связанных с потребностью в благо x : во-первых, само благо x , которое *устраняет* или *отменяет* потребность, являясь ее альтернативой, и, во-вторых, благо (или блага), имеющие порядок на единицу выше, чем благо x — это благо *удовлетворяет* потребность в благо x или *предотвращает* ее появление.

Рассмотрим еще один вариант резкого сужения объема понятий «потребность» и «благо». Если предыдущий вариант сужения был связан с исключением из числа благ конечных результатов, то нынешний состоит как раз в обратном — в отрицании статуса благ у средств, т. е. у благ высокого порядка и, как следствие этого в устранинии инструментальных, промежуточных потребностей.²⁷ При этом феномены промежуточных благ и соответствующих им потребностей не уходят, конечно, полностью из поля зрения исследователей, но для их обозначения вводятся другие термины. Например, демограф Л. Е. Дарский блага высоких порядков называет «способами удовлетворения потребности», подчеркивая, что сами эти способы не являются предметом какой-либо потребности.²⁸ Тем самым как раз и устраняется вид промежуточных (инструментальных) потребностей, а, следовательно, род

²⁶ Эта причина к тому же познана и может быть применена субъектом к удовлетворению потребности, т. е. может быть дополнена действием субъекта как комплиментарным ей благом (см.: Менгер К. Указ. соч., с. 1—2).

²⁷ Примечательно, что в наиболее распространенных формальных определениях этого сужения нет: в них указывается на отсутствие чего-либо необходимого, но ведь необходимыми являются блага разных, а не только первого порядка.

²⁸ Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с. 88—94.

сводится к одному из своих видов — к виду конечных потребностей.

В психологических работах блага высоких порядков и соответствующие им потребности (точнее их психические отражения) тоже попадают в чужую рубрику — «отражение условий удовлетворения потребности (или достижения цели)».

Конечно, в принципе один и тот же феномен может быть обозначен любым термином. Но выбор термина и построение понятийной системы неизбежно начинают оказывать влияние на содержательную трактовку соответствующей области действительности. Если феномены обозначены совершенно разными терминами, то возникают трудности и в выявлении общности их содержания.

Между тем элементы сходства потребностей первого и более высоких порядков очевидны. Это прежде всего связано с нарушением процессов сохранения и развития индивида. Разница только в том, что потребности первого порядка — это актуальные нарушения, а потребности более высоких порядков — потенциальные.²⁹

Именно через удовлетворение промежуточных потребностей лежит путь к удовлетворению конечных, и наоборот, отсутствие средств, т. е. наличие промежуточных потребностей, часто исключает возможность достижения пусть даже и высокозначимых для человека целей, т. е. удовлетворения потребностей первого порядка. Поэтому, как заметил американский психолог А. Маслоу, «если мы тщательно проанализируем наши обычные повседневные желания, то увидим, что они. . . обычно являются желаниями средств, ведущих к цели, а не отражением самих целей».³⁰

Терминологическая же и концептуальная изоляция конечных потребностей и благ от промежуточных блокирует возможность выделения указанных общих свойств, а также поиск общих закономерностей функционирования и развития потребностей и благ, различающихся по своему порядку. Поэтому мы полагаем, что экономическая традиция, которая объединяет промежуточные и конечные потребности (или блага) в рамках общего рода, является

²⁹ Две группы потребностей характеризуются и другими общими свойствами, в частности объемом и неудовлетворенностью.

³⁰ Maslow A. *Motivation and personality*. 2nd ed. New York, 1970, p. 21.

в данном пункте более конструктивной, чем, например, психологическая, и будем придерживаться «порядковой» терминологии потребностей и благ.

Следующим принципиальным пунктом в определении феномена потребности и адекватном разведении его родовых и видовых характеристик является вопрос о психологическом отражении потребностей. Мы полагаем, что потребность существует вне зависимости от того, отражает ли субъект соответствующие объективные отклонения психически. Но во многие определения, и прежде всего те, которые сформулированы психологами, признак психического отражения не только включен, но ему придан большой удельный вес.

Это было видно уже из приведенных выше фрагментов, но часто подчеркивается особо. Например, по Л. И. Божович, потребность — это нужда, «отраженная в форме переживания». «Потребность никак нельзя отождествлять с наличием объективно существующей нужды»,³¹ не отраженной в соответствующем переживании.

Большинство тех, кто включает признак переживаемости в определение потребности, вовсе не считает, что у человека не существует реального прообраза подобного переживания. Но для обозначения соответствующего объективного состояния вводят иной термин — «нужда». Как пишет М. М. Филиппов, «нужда характеризует реальные, объективные... отношения между организмом и окружающей средой». Потребность «не есть нужда, а есть отражение нужды».³² Потребностью же при этом обозначают психический образ «нужды». Нам кажется, что введение термина «нужда» нецелесообразно: семантически он очень близок к термину «потребность», для обозначения же субъективных ценностных феноменов есть целый ряд других терминов — «переживание», «эмоция», «оценка». Поэтому понятие «потребность» резонно использовать для обозначения *объективного* нарушения сохранности или развития, а также *объективных* же предпосылок такого нарушения.

Наиболее радикальные авторы вообще отказываются обсуждать вопрос об объективном прообразе субъективных переживаний потребности, ограничиваясь анализом этих психических феноменов как таковых. Подобная по-

³¹ Божович Л. И. Указ, соч., с. 41.

³² Филиппов М. М. Нужда и потребность. — В кн.: Учен. зап. Томского ун-та, 1968, № 70, с. 20, 19.

зиция лишает нас возможности судить о том, что для человека есть благо, а что зло, что ему полезно, а что вредно, вне зависимости от его собственных переживаний и представлений на этот счет. И разве содержание научных понятий, относящихся к психике человека, обязательно должно совпадать с содержанием его психики? Другое дело, что свойства субъективных переживаний должны быть из научных понятий выведены, а исходным для такого вывода как раз и является понятие о благе и потребности как об объективных явлениях.

2. ОТРАЖЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ И БЛАГ В ПСИХИКЕ ЧЕЛОВЕКА

В силу того, что объективные ценности и их психические отражения оказались предметами разных научных дисциплин, использующих различающиеся между собой концептуальные средства, они до сих пор плохо соотносены друг с другом. Проблема психического отражения потребностей и благ остается в ряде своих существенных аспектов теоретически даже не поставленной.

Потребности и состояния их удовлетворения (т. е. блага) отражаются в психике человека посредством ощущений приятного или неприятного, удовольствия или неудовольствия (страдания). Эти психические феномены называются *эмоциональными переживаниями*.³³

Общепризнано, что неудовольствие отражает состояние потребности, а удовольствие — состояние блага или благополучия субъекта.³⁴ Эти переживания, по-видимому, мало зависят от конкретного содержания потребности или блага, они лишь сообщают субъекту, что ему «хорошо» или «плохо».

Эмоциональные переживания «в чистом виде», полностью свободные от отражения своего предмета, вообще говоря, не характерны для психики человека,³⁵ но иногда

³³ См.: Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976, с. 43.

³⁴ Эти эмоциональные переживания можно вызывать и искусственно, раздражая электрическим током некоторые особые точки мозга — центры удовольствия и страдания (см.: Милнер П. Физиологическая психология. Пер с англ. М., 1973, гл. XVIII; Смирнов В. М. Эмоциональные проявления у больных при лечении методом долгосрочных интрацеребральных электродов. — Вопросы психологии, 1966, № 3).

³⁵ См.: Вилюнас В. К. Указ. соч., с. 41—47.

эти психические феномены (или приближения к ним) имеют место. Именно к этому классу феноменов относится описание К. Обуховского: «Напряжение, вызванное отсутствием тех или иных факторов, мы ощущаем как депрессию, хандру, дурное настроение и т. д., не отдавая себе отчета, что в сущности речь идет об отсутствии определенного объекта потребности».³⁶ Особенно распространены подобные явления у детей, которые часто «капризничают», потому что не знают, что именно им нужно, и только взрослые могут понять, что ребенок устал, голоден, хочет пить или спать. Имея в виду подобные факты, А. Н. Леонтьев писал о «потребности, не знающей своего предмета».³⁷ Точно также бывает, что человек переживает «беспричинную» радость, т. е. состояние благополучия, конкретное содержание которого ему неизвестно.

Но в большинстве случаев эмоциональное переживание существует не изолированно, а в связи с отражениями тех событий в организме или во внешней среде, которые его породили. Как пишет В. К. Вилюнас, «целостное эмоциональное явление всегда представляет собой единство двух моментов: с одной стороны, некоторого отражаемого содержания, с другой — собственно *эмоционального переживания*, т. е. той специфической окраски, с которой данное содержание отражается субъектом».³⁸

Только ассоциирование эмоциональных переживаний с образами тех событий, которые их породили или которые могут их устранить, дает человеку конкретные сведения о содержании переживаемой им потребности или состояния благополучия. Если человек переживает неудовольствие и одновременно у него «сосет под ложечкой», то ему становится ясно, что это потребность в пище, если радость наступает от разговора с другим человеком, то это скорее всего удовлетворяется потребность в общении и т. п. Таким образом, человек одновременно отражает и некоторое событие как таковое (на языке неэмоциональных, или когнитивных, модальностей), и его ценность (на языке переживаний удовольствия или страдания).

Это итоговое психическое образование есть по существу оценка, в которой переживание удовольствия

36 Обуховский К. Психология влечений человека. Пер. с польск. М., 1972, с. 73.

37 Леонтьев А. Н. 1) Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 190; 2) Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971, с. 5.

38 Вилюнас В. К. Указ. соч., с. 43.

или страдания оценивает (приписывает ценность, определяет в качестве потребности или блага) соответствующие проявления субъекта или его взаимодействия с внешним миром.

Хотя переживания удовольствия или страдания сигнализируют о том, что функционирование субъекта нарушено или, наоборот, восстановлено и что, более того, идет процесс развития, данные факты не открываются в содержании этих переживаний непосредственно. Это подобно тому, как ощущение цвета непосредственно не открывает субъекту частоту породивших его электромагнитных колебаний. Иными словами, *удовольствие и страдание*, как и модальности ряда других ощущений — вкусовых, зрительных, обонятельных, слуховых, — относятся к категории описанных Дж. Локком вторичных качеств.

Специфической характеристикой переживаний удовольствия или страдания, отличающей их от ощущений и восприятий других модальностей, является связь с действиями, активностью субъекта: ощущения удовольствия он своими действиями стремится удерживать или производить, а ощущения неудовольствия, наоборот, прекращать или предотвращать.

В открытом Дж. Олдсом феномене самостимуляции³⁹ крысы с электродами, вживленными в центры удовольствия, многократно нажимали на педаль, чтобы, замкнув электрическую цепь, вызвать у себя приятное состояние. С другой стороны, в экспериментах с животными, проведенных Рихтером, Холлом и другими, получено большое количество фактов, подтверждающих прямую зависимость их двигательной активности от длительности депривации различных потребностей.⁴⁰ В естественных условиях подобная активность явно рассчитана на поиск во внешней среде объектов удовлетворения соответствующих потребностей и устранения тем самым порожденных потребностями неприятных переживаний. Но связи между негативными ощущениями и активностью столь сильны, что они сохранялись даже в искусственной ситуации экспе-

39 См.: Олдс Дж. Нейроны «наград» и самостимуляция мозга. — В кн.: Функциональное значение электрических процессов головного мозга. М., 1977.

40 См.: Нюттен Ж. Мотивация. — В кн.: Экспериментальная психология/ Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Пер. с франц. М., 1975, вып. 5.

римента, где движения животных были бесполезны, например, когда животное не имело возможности реально перемещаться в пространстве, а лишь передвигало лапками вращающуюся опору.

Свойство эмоциональных переживаний побуждать субъекта к действиям, направленным на удовлетворение соответствующих потребностей, называют побудительной функцией эмоциональных переживаний.⁴¹

Наряду с переживаниями удовольствия и страдания у человека существует и некоторый эмоционально нейтральный диапазон. Поэтому переживание неудовольствия после удовлетворения потребности может смениться не только переживанием удовольствия, но и нейтральным состоянием, переход к которому сопровождается чувством облегчения. По этой же причине исчезновение эмоционально положительного переживания не обязательно ведет к возникновению отрицательного.

Это обстоятельство способствует появлению своеобразной асимметрии в характере эмоционального воздействия на человека тех или иных обстоятельств его жизнедеятельности. Широко известные факты подобной асимметрии обнаружены в исследованиях эмоциогенности различных аспектов труда. Ф. Герцберг и его сотрудники показали, что когда эмоциональные переживания порождает процесс труда — его разнообразие, самостоятельность, возможности для самореализации, то это преимущественно положительные эмоции, а когда эмоциогенными являются условия труда — санитарно-гигиенические, технологические, экономические, — то возникают главным образом отрицательные эмоции.⁴²

В литературе утвердилось мнение о различных функциях отрицательных и положительных эмоциональных переживаний. *Отрицательные эмоции* сигнализируют о том, что не решены минимальные задачи, и побуждают человека к их решению. Если ему удается обеспечить сохранение, удовлетворить «потребности нужды», то отрицательные эмоции исчезают и наступает эмоционально нейтральное состояние. Отсутствие наилучших условий жизни, наивысшей степени удовлетворения потребностей не вызывает столь сильных отрицательных переживаний, какие порождаются отсутствием «голодного мини-

⁴¹ См.: Вилюнас В. К. Указ. соч., с. 49—56.

⁴² Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. The motivation to work. New York, 1959.

му». Здесь эмоционально санкционируется не отсутствие, а наличие: если приобретено особенно ценное благо, если не просто сохранен *status quo*, а произошло развитие субъекта, удовлетворение «потребностей роста», то возникают *положительные эмоции*. Ожидание этих переживаний и побуждает человека стремиться к соответствующим благам.⁴³

Различие между двумя рассмотренными формами побуждения к деятельности выразилось в противопоставлении мотивов избегания неудачи и достижения успеха,⁴⁴ или негативных и позитивных диспозиций.⁴⁵ Первые включают более скромные задачи, чем вторые. Содержание эмоционально нейтрального диапазона не остается неизменным, поскольку по мере повторения нейтрализуются как положительные, так и отрицательные переживания. Таким образом, эмоционально более нейтральными становятся постепенно те удовлетворения и лишения, которые соответствуют привычным ожиданиям человека, его уровню адаптации.⁴⁶

И напротив, особой эмоциональностью характеризуются те события, которые отличаются от уровня адаптации в худшую или в лучшую сторону. Поэтому, кстати, содержание того, что вызывает у людей эмоциональные переживания, косвенно указывает на наиболее типичные, ставшие привычными для них условия жизни. С изменением этих условий меняются и источники эмоциональных переживаний.

Особенно заметен процесс нейтрализации по отношению к положительным эмоциям (недаром говорят, что к хорошему быстро привыкаешь). Поэтому понятна тесная связь положительных эмоций с теми удовлетворениями потребностей, где есть элемент новизны, сюрприза.

Эмоциональные переживания человека, которые от-

43 Симонов П. В. 1) Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970; 2) Эмоциональный мозг. М., 1981.

44 Atkinson J. W., Litwin v. H. Achievement motive and test anxiety conceived as a motive to approach success and motive to avoid failure. — Journ. Abnorm. Soc. Psychol., 1960, vol. 60, p. 52—63.

45 Горбатков А. А. 1) Положительные и отрицательные ценностные ориентации как регуляторы деятельности. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самосознания. Краснодар, 1977; 2) Структура психической диспозиции и ее позитивно-негативная асимметрия. Автореф. канд. дис. Л., 1981.

46 Понятие уровня адаптации предложено Г. Хелсоном (см.: Nelson H. Adaptation level theory. — In: Psychology: a study of a science / Ed. by S. Koch. New York, 1959).

ражают его потребности и блага, могут возникать *автоматически или же в результате специальных познавательных усилий* субъекта.

Автоматически, не требуя психических усилий, отражаются, в частности, актуальные в данный момент конечные потребности и блага субъекта. Эти автоматизмы имеют врожденный характер. Более пристального внимания заслуживает вопрос о том, каков реальный порядок тех объективных потребностей и благ, которые кажутся субъекту потребностями и благами первого порядка.

Известно, что вызванные внутренними стимулами ощущения неудовольствия автоматически возникают у человека прежде, чем происходят реальные нарушения его сохранности. Голод «заставляет животное искать пищу задолго до того, как истощатся запасы питательных веществ в организме», жажда «гонит животное на поиски воды, когда запасы жидкости в организме еще не исчерпаны, но уже оскудели».⁴⁷⁻⁴⁹

Выполнение деятельности, направленной на предотвращение серьезных для организма нарушений, обязательно требует времени. Поэтому заблаговременное или, в других терминах, предусмотрительное, превентивное, опережающее отражение соответствующих конечных потребностей и оказывается столь важным.

Такой же превентивный характер имеет возникновение эмоционального переживания в ответ на внешнее воздействие. Например, чувство сытости появляется у человека при «раздражении пищей рецепторов пищевого тракта»,⁵⁰ т. е. до того, как питательные вещества будут реально использованы для сохранения и развития организма. Подобная опережающая стратегия положительной сигнализации является биологически целесообразной: если пища уже находится внутри организма, то она через некоторое время неминуемо выполнит свою конечную задачу. Поскольку психически регулируемая деятельность субъекта для этого не нужна, то она выключается посредством соответствующего психического сигнала — переживания удовольствия или чувства облегчения (снятия неудовольствия).⁵¹

⁴⁷⁻⁴⁹ Лук А. Н. Эмоции и чувства. М., 1972, с. 6.

⁵⁰ Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968, с. 76.

⁵¹ Нечто подобное происходит при определении благосостояния индивида или семьи социальной системой более высокого уровня:

Опережающий характер автоматического отражения потребностей и благ приводит к тому, что непосредственным предметом, отражающимся в эмоциональных переживаниях, оказываются часто потребности и блага хотя и низкого, но не первого порядка.⁶²

Видимо, эта автоматически возникающая субъективная картина и лежит в основе упоминавшихся выше научных представлений, в которых первый порядок приписывается благам второго—третьего порядка, и эти блага естественно определяются как только *причины устранения* (удовлетворения) *потребностей* первого порядка, а не как *состояния, их отменяющие*. Иными словами, тенденция научного сознания исключать из числа благ блага минимального порядка (конечные результаты) является слепком с простейших автоматизированных форм отражения потребностей и благ в обыденном сознании субъекта.

Описанная выше приуроченность переживаний к промежуточным фазам удовлетворения потребностей открывает возможность - появления этих ощущений без того, чтобы были достигнуты реальные позитивные или негативные эффекты первого порядка. А тем самым появляется возможность нарушения осведомительной функции автоматически возникающих эмоциональных переживаний в отношении следующих за ними объективных благ.

Система опережающего автоматического оповещения субъекта сформировалась на ранних стадиях развития человеческого рода и рассчитана на соответствующую этой стадии естественную и очень вероятную последовательность событий. Но развитие мыслительных способностей человека и прогресс техники создали возможности для нарушения этих естественных последовательностей, для обособления объективных событий, порождающих позитивные или негативные переживания, от тех биологически значимых эффектов, которые раньше за ними неминуемо следовали.

она оценивает уровень жизни, фиксируя те или иные социально регулируемые предпосылки (денежные доходы, наличие предметов длительного пользования и т. д.), полагая, что эти предпосылки будут обязательно использованы индивидом для удовлетворения своих конечных потребностей.

³² Поэтому получается, что эмоциональное переживание заставляет «субъекта преследовать цели, необходимость которых остается для него скрытой» (Виллонс В. К. Указ. соч., с. 38).

Например, в сфере процессов, связанных с удовлетворением потребности продолжения рода, появились возможности прерывания естественно-биологической последовательности явлений. В результате события, относящиеся к первым фазам этой последовательности и сопровождающиеся переживанием удовольствия, осуществляются без того, чтобы наступили последующие фазы, т. е. зачатие ребенка. Отсюда и возникло обособление гедонистических и репродуктивных функций сексуального поведения, которое фиксируется в современной демографической, социологической и сексологической литературе.⁵³

Нечто подобное происходит и в сфере потребления пищи. Здесь тоже действует опережающая эмоциональная сигнализация — эмоциональные переживания возникают в ответ на вкус пищи, т. е. до попадания ее внутрь организма и до наступления конечного эффекта. И здесь тоже нарушились естественные цепочки событий. Раньше, когда глюкоза была редкостью, приятность ее сладкого вкуса предшествовала попаданию в кровь человека полезной порции этого вещества. Теперь же ситуация радикально изменилась, и произошло это, если иметь в виду масштабы жизни и эволюции вида *homo sapiens*, совсем недавно (первый сахарный завод появился в России в XIX в.). Теперь сахар и сладости имеются в избытке, и получается, что приятность ощущений сладкого обманывает человека: он потребляет сахар в чрезмерном количестве и следствием приятных ощущений оказываются последующие негативные эффекты, вплоть до возникающих на этой почве тяжелых заболеваний.⁵⁴ Чтобы как-то обезвредить данные приятные переживания был, в частности, придуман ксилит, сладкий вкус которого не сопровождается негативными эффектами после его попадания в организм.

53 См., например: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976; Голод С. И. Трансформация семьи: суть и проблемы. — В сб.: Современные проблемы воспроизводства населения. Материалы симпозиума. Рига, 1980; Кон И. С. На стыке наук. — Вопросы философии, 1981, № 10.

54 Нынешняя изменившаяся по сравнению с древними временами ситуация с пищей привела к парадоксальному соотношению между объективными полезными эффектами пищи (благами первого порядка) и их эмоциональными отражениями. Оно точно отразилось в вопросе одного семилетнего мальчика: «Папа, а почему все полезное невкусно?».

Благодаря обособлению гедонистических функций положительных эмоций от информационных человек получил ныне возможность эксплуатировать позитивные переживания вопреки их естественному информационно-регуляторному назначению, культивируя разные формы пищевого, сексуального и прочего гедонизма.

Неадекватной иногда оказывается и опережающая отрицательная сигнализация. Вкус горечи на ранних стадиях человеческой истории, как правило, предшествовал попаданию в организм вредных для него веществ и поэтому связался у человека с негативными эмоциональными переживаниями. Но в ходе развития медицины были открыты полезные свойства некоторых горьких веществ, и автоматические эмоционально-отрицательные оценки применительно к ним оказались неадекватными — понадобилось «подслащивать пилюлю».

Таким образом, налицо факты рассогласования между ценностным содержанием эмоциональных переживаний и тех реальных эффектов (полезных или вредных), которые за ними следуют. Отмеченные факты явно свидетельствуют в пользу конструктивности концептуального «разведения» объективных потребностей и благ и их психических отражений. В описанных рассогласованиях эмоциональные переживания оказываются лишь иллюзиями полезности или вредности событий; их можно назвать *эмоциональными или аксиологическими иллюзиями*, эмоциональными «кажимостями».

В связи с этим становится более ясным дискуссионный вопрос о самоценности эмоций. В некоторых концепциях эмоций содержатся утверждения о том, что эмоциональные переживания представляют самостоятельную — позитивную или негативную — ценность для субъекта. Такой взгляд выражен, в частности Б. И. Додоновым. П. В. Симонов полемизирует с этой точкой зрения, полагая, что эмоции приобретают ценность лишь благодаря тем реальным потребностям и благам, которые в эмоциях отражаются. Рассуждения же о самоценности эмоций похожи, по его мнению, на поиск «субстанции стоимости в денежных купюрах».⁵⁶ Нам кажется, что в определен-

55 Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М., 1978.

56 Симонов П. В. Эмоции и воспитание. (Вопросы воспитания в свете информационной теории эмоций). — Вопросы философии, № 5, 1981, с. 40.

ной мере правы сторонники обеих точек зрения. П. В. Симонов описывает наиболее естественные, филогенетически исходные и когда-то единственные формы соотношений между эмоциональными переживаниями и соответствующими им потребностями первого порядка, об актуализации или насыщении которых эти эмоции несли опережающую информацию. Позиция же Б. И. Додонова применима к тем современным ситуациям, в которых нарушились естественные цепочки событий и появились эмоциональные переживания, неподкрепленные последующими полезными или вредными эффектами.

Мы рассмотрели психические отражения потребностей и благ низших порядков, обычно не выходящих за пространственные границы организма или его ближайшей среды. Эти отражения представляют собой двухкомпонентные эмоциональные оценки, в которых ощущения удовольствия или страдания связаны с образом порождающего или устраняющего их предмета или явления. Связывание образа этого предмета или явления с его эмоциональной меткой происходит либо автоматически, в соответствии с генетической программой организма (так обстоит дело с эмоциональным тоном вкусовых ощущений), либо в результате выполняемых субъектом и обычно не очень сложных познавательных процедур (которые требуются, чтобы, например, определить: мои неприятные ощущения пройдут, если поесть).

Но каждое явление, воспринимаемое субъектом как потребность или благо низшего порядка, объективно представляет собой результат действия цепочки внешних и внутренних причин, т. е. потребностей и благ высших порядков. Познание этих ценностей высших порядков осуществляется субъектом посредством отражения причинно-следственных связей между упомянутыми более отдаленными причинами и порождаемыми ими и уже эмоционально «помеченными» следствиями. Субъект, таким образом, фиксирует причинно-следственную связь между событиями, ценностный статус одного из которых был ему исходно известен, а другого — неизвестен. Обнаружение подобной связи позволяет субъекту перенести характеристику ценности с события-следствия на событие-причину.

Наиболее типичным является конструирование человеком комбинированных цепочек, в которых отражения потребностей, т. е. отсутствующих благ, сочетаются с от-

ражением наличных благ: мысль человека продвигается от потребностей низкого порядка к тем благам более высокого порядка (ресурсам), которые эту потребность могут удовлетворить или предотвратить, например, к способностям субъекта осуществить некоторые действия и дополняющим эти действия орудиям и материалам.

Психическое отражение ценностей высоких порядков может выполняться в зависимости от трудности задачи как сравнительно элементарными, так и более сложными познавательными психическими процессами: на элементарном полюсе — связь, устанавливаемая посредством произвольной ассоциации ощущений или восприятий, на противоположном полюсе — посредством осознанных и произвольно управляемых мыслительных операций, включающих высшие формы понятийного мышления. Подобную психическую деятельность называют оценочной или ценностно-ориентационной,⁵⁸ подчеркивая при этом ее отличие от познавательной. В действительности же в этих двух видах деятельности много общего: поскольку потребности и блага это объективные реальности, то ценностно-ориентационная деятельность есть не что иное, как познание этих реальностей, т. е. частная форма познавательной деятельности, в задачу которой входит познание ценностей. Но даже если кто-то не согласится с тем, что конечные потребности и блага это объективные феномены, то ему все равно придется признать, что оценочная деятельность содержит познавательные, рациональные процедуры: таковыми уж во всяком случае являются процессы познания объективных связей между ценностями первого порядка и их причинами, т. е. процессы отражения ценностей высоких порядков.

Отсюда, конечно, неминуемо следует и то, что оценочную деятельность можно (а часто и нужно) вопреки распространенным представлениям характеризовать с точки

⁵⁷ Довольно сложные операции нужны, например, для того, чтобы отразить причинно-следственные связи между работой химической промышленности (производством удобрений) и удовлетворением потребности в пище, и на этой основе квалифицировать химическое производство как благо n -ного порядка для удовлетворения потребности в пище. В подобных случаях отражение человеком причинно-следственных связей между ценностями разных порядков — это уже то, что Р. Нисбет и Л. Росс называют субъективной "теорией" (см.: *Nisbett R., Ross L. Human inference: strategies and shortcomings of social judgement. Englewood Cliffs, N. J., 1980*).

⁵⁸ Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974.

зрения критерия объективности. Психофизика эмоций и ценностных ориентации имеет не меньше прав на существование, чем психофизика собственно познавательных феноменов.

Главное, что определяет трудность ценностно-ориентационных задач, — порядок отражаемой субъектом ценности, т. е. число промежуточных звеньев, отделяющих эту ценность от событий, которые уже непосредственно связаны с переживаниями удовольствия, чувством облегчения или, наоборот, страдания: чем больше число этих звеньев, тем более сложные психические процессы должны включиться в познавательную работу. Учитывая ограниченность познавательных ресурсов человека, можно предполагать, что количество промежуточных этапов (опосредования) не может быть очень большим; оно не должно сильно отличаться от «магического числа 7», характеризующего объем кратковременной памяти человека.⁵⁹ Число упомянутых промежуточных звеньев тесно коррелирует с расстоянием во времени между оцениваемым событием и эмоциональной «точкой отсчета». Поэтому временной интервал, отделяющий ценность более высокого порядка от ближайшего к ней элемента ценностной цепочки, уже эмоционально опознанного субъектом, является надежным индикатором трудности предстоящей субъекту ценностно-ориентационной деятельности.

Конечно, индивид не обязательно сам открывает причинно-следственные цепочки ценностей; большинство из них становится известно ему в готовом виде — как продукт культуры или опыта окружающих людей. Но если человек действует сознательно, ему все равно приходится извлекать эти цепочки потребностей и благ разного порядка из своей памяти и обязательно держать их в поле внимания, т. е. осуществлять психическую работу.

Необходимость специальных усилий, естественно, затрудняет оперирование субъекта отражениями ценностей высоких порядков. Поэтому, хотя и по иным причинам, но ценности слишком высоких порядков оказываются нередко столь же познавательно недоступными для субъекта, как и ценности самых низких порядков.

⁵⁹ *Миллер Дж.* Магическое число семь, плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. — В кн.: *Инженерная психология*. Пер. с англ. М., 1964.

Сложные мыслительные процессы, участвующие в психическом отражении ценностей высоких порядков, по мере повторения одних и тех же сочетаний причин и следствий сокращаются и упрощаются. Это происходит за счет выпадения промежуточных звеньев, связывающих «высокопорядковый» предмет оценивания с конечными переживаниями удовольствия, неудовольствия или чувства облегчения. При этом происходит как бы субъективное снижение порядка потребности или блага, которые теперь «напрямую» без участия опосредующих звеньев ассоциируются с конечным эмоциональным переживанием. Например, появление какого-либо человека, воспринимавшееся сначала как ценность только благодаря позитивным результатам взаимодействия с ним, впоследствии начинает само порождать эмоциональные переживания; субъект как бы не вспоминает, зачем ему первоначально был нужен этот человек.

По-видимому, особенно высока вероятность подобного субъективного превращения промежуточных ценностей в конечные у тех ценностей, которые обладают разносторонней, универсальной полезностью или вредностью — у таких, как положительная или отрицательная социальная оценка, способности и деятельность субъекта, запасы времени и т. п. Итак, в процессе повторных восприятий одной и той же последовательности событий ценности более низкого порядка начинают пропускаться сознанием, как бы проговариваться скороговоркой, и в конце концов в сознании остаются только ценности более высокого порядка, которые теперь непосредственно порождают эмоциональное переживание.⁶⁰ Это чрезвычайно расширяет круг потребностей и благ, ценность которых отражается субъектом автоматически, без специальных познавательных усилий. Если *врожденная* автоматика эмоциональных оценок обслуживает в основном ценности первого и близких к нему порядков, то только что описанная *приобретенная* автоматика распространяется на ценности любых, в принципе сколь угодно высоких порядков.

⁶⁰ Частная форма этого процесса — субъективное превращение промежуточных мотивов в конечные — была много лет назад описана Г. Олпортотом и названа им трансформацией или функциональной автономизацией мотивов (см.: *Allport G. W. Personality: a psychological interpretation.* New York, 1937).

Подобный процесс выпадения промежуточных звеньев из ценностно-ориентационной деятельности субъекта по существу аналогичен тому выпадению конечных ценностей из поля непосредственного психического отражения, о результатах которого мы говорили выше. Здесь происходит дальнейшее смещение эмоциональных переживаний в сторону ценностей более высоких порядков: от тех ценностей, которые стояли почти «вплотную» к конечным и находились на границе организма и внешней среды, к тем, которые локализованы вне организма и значительно удалены от потребностей и благ первого порядка. Тем самым еще более усиливается опережающий характер отражения ценностей первого порядка в эмоциональных переживаниях субъекта.

Отличие только в том, что конечные ценности выпадают в итоге филогенетического развития вида, а промежуточные — в итоге онтогенетического развития индивида. Связи ценностей первого порядка с непосредственно примыкающими к ним потребностями и благами более высоких порядков были устойчивы на протяжении многих поколений, и потому в процессе эволюции отражения конечных ценностей могли быть без ущерба «сокращены». Подключение же к этой цепочке ценностей еще более высокого порядка происходит уже не во внутренней, а во внешней среде организма, и потому связи более отдаленных звеньев с конечными эффектами гораздо менее устойчивы. Так что в этих случаях генетически (т. е. априорно) установленная автоматическая связь ценности высокого порядка с эмоциональным переживанием была бы мало эффективной. Поэтому для формирования подобных связей здесь используются механизмы индивидуального, а не видового обучения.

Но упомянутые связи, в которых участвуют события, происходящие во внешней среде, оказываются неустойчивыми даже на протяжении жизни одного поколения. И потому сформировавшиеся на каком-либо этапе жизни индивида эмоционально-оценочные автоматизмы на следующем этапе часто уже не отражают реальной последовательности значимых событий; они становятся эмоциональными или аксиологическими иллюзиями, подобными тем, что сформировались в процессе филогенеза.

В заключение несколько слов о терминах. Психическое отражение ценностей разного порядка удобно обозначать термином «оценка». В состав оценки входит субъект

оценки, ее предмет, характер и основание.⁶¹ Предмет оценки соответствует *когнитивному* отражению фактического состава конечной или промежуточной ценности; характер оценки («хорошо—безразлично—плохо» или «лучше-равноценно-хуже») означает *эмоциональную* квалификацию указанного фактического события как положительной, отрицательной или нейтральной ценности; основание оценки — есть уточнение части или аспекта оцениваемого фактического события или же отражение причинно-следственной связи между оцениваемым событием и некоторым его следствием, ценность которого уже известна индивиду.

Оценки как отражения потребностей и благ можно разделить на два больших класса — эмоциональные и рациональные. В *эмоциональных* оценках познавательное содержание (предмет оценки) автоматически связывается с эмоциональным переживанием удовольствия или страдания. *Рациональные* оценки — это те отражения ценностей, в которых оцениваемый предмет отделен от эмоционального переживания некоторым числом промежуточных звеньев. Поэтому здесь требуются принципиально более сложные формы рационально-мыслительной деятельности. К тому же эти оценки производятся обычно до появления потребности или блага первого порядка и эмоциональные переживания конечных ценностей оказываются в них ослабленными, стертymi (А. М. Эткинд). Но следует иметь в виду, что оппозиция «эмоциональное-рациональное» не совсем точно выражает реальное различие между двумя упомянутыми способами оценивания. Рационально-мыслительные формы отражения ценностей никогда не являются полностью свободными от эмоциональных переживаний. Они по существу представляют собой мыслительное оперирование эмоциями, в частности, мыслительный перенос эмоционального переживания со следствия (ценности низкого порядка) на причину, которая благодаря этому и отражается в качестве ценности высокого порядка.⁶² В свою очередь, даже простейшие

⁶¹ *Ивин А.А.* Логика оценок. М., 1970, с. 21-31.

⁶² Наличие непосредственных эмоциональных переживаний

в процессах рационального отражения ценностей - одно из частных выражений сущности мышления как отражения одного и того же

содержания на двух языках - на языке символов (слов естественного языка или «вторых сигналов», по И. П. Павлову) и на языке ощущений, восприятий и представлений («первых сигналов», по

эмоциональные оценки («эмоциональные явления», по Вилюнасу)⁶³ формируются не без участия познавательных процессов.

Получая информацию посредством социально-психологических, социологических или экономических методов, сбора эмпирических данных, исследователь имеет дело почти всегда с вербальным, рационализированным описанием потребностей и благ, поскольку пользуется анкетой, вопросником или интервью. Содержащаяся в этих описаниях информация достоверна и пригодна для последующих выводов исследователя (как, впрочем, и для выводов самого респондента) лишь в меру подкрепленности этих оценок непосредственными эмоциональными отражениями ценностей.

3. СИСТЕМА ПАРАМЕТРОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ПОТРЕБНОСТИ, БЛАГА И ИХ СУБЪЕКТИВНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Изложенные выше представления о благах и потребностях должны сопрягаться с теми свойствами, которые фиксируются в эмпирических исследованиях и на языке которых часто описываются феномены данной предметной области.

Первая группа — показатели объема. *Объем потребности* — это величина отсутствующего блага.

Вопросом об объемах потребностей больше всего интересуются экономисты в связи с тем, что эти данные необходимы для планирования и организации производства товаров. Характеристики объемов потребностей часто обозначаются в экономической литературе терминами «рациональные нормы потребления», или «разумные по-

Павлову) — и обратимого перевода отражаемого содержания с одного из этих языков на другой (см.: *Веккер Л. М.* Психические процессы. Л., 1976, т. 2, с. 109—191; *Алексеев А. А.* Взаимодействие образных и символических структур в развивающемся интеллекте ребенка. — В кн.: Проблемы возрастной психологии / Под ред. А. И. Щербакова. Л., 1979).

⁶³ См. об этом: *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1976, с. 61—71; *Schachter S.* The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state. — In: *Advances in experimental social psychology* / Ed. by L. Berkowitz. New York, 1964, vol. 1; *Трусов В. П.* Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л., 1980; *Эткинд А. М.* Социально-психологические исследования эмоций в США. — В кн.: Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980.

требности» обозначающими величины, полученные, как правило, расчетным путем.

Определение субъективных представлений об объемах потребностей обычно осуществляется с помощью прямых вопросов о том, какое именно благо и в каком количестве нужно человеку: сколько комнат в квартире, сколько детей в семье, сколько свободного времени, сколько денег, сколько кинопосещений в месяц и т. п. Такова же и практика изучения потребительского спроса на различные товары.

Во многих случаях наше знание об объемах потребностей приблизительно и к тому же трудно вербализуемо. Каждый, например, знает приблизительный объем потребности в активности у своего ребенка: если он полдня сидел или спокойно играл, то ему надо определенное время «побеситься»; все равно, будет ли он бегать, прыгать, кувыркаться или кричать — лишь бы была истрачена определенная энергия. Подобно этому мы представляем объемы и многих других потребностей — своих собственных и наших близких.

На практике гораздо важнее знать не полный объем потребности, а тот, который реально может быть удовлетворен при существующих условиях. Различие между полным объемом потребности и ее «выполнимым», посильным для человека объемом введено в политэкономии применительно к товарам. Еще А. Смит различал спрос и желание, определяя эффективный спрос как количество блага, которое будет приобретено по данной цене.

Поскольку главным ресурсом, лимитирующим покупателя, являются деньги, то естественно, что у экономистов «под спросом понимается платежеспособная потребность, т. е. обеспеченная деньгами часть потребностей населения в товарах, а также в услугах, реализуемых в товарной форме».⁶⁴ «Спрос отражает далеко не всю потребность, а лишь ту ее часть, которая обеспечена определенным эквивалентом» (в частности, деньгами).⁶⁵

Мы полагаем, что понятие спроса имеет более широкую сферу приложения, далеко выходящую за пределы благ, приобретаемых за деньги. Оно может быть использовано

⁶⁴ Данилов А. И. Потребности и спрос как социально-экономические категории. М., 1976, с. 18.

⁶⁵ Левин А. И., Яркин А. П. Платежеспособный спрос населения. М., 1976, с. 18.

для обозначения объема потребностей, подвергшихся ограничивающему воздействию не только денежных, но и любых других ресурсов — энергетических, временных, информационных и т. п.⁶⁶

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что человек удовлетворяет свои потребности лишь в той мере, в какой для этого есть объективные возможности. Более интересно, на наш взгляд, что в субъективных отражениях тоже фигурирует не полный объем, а спрос. Иными словами, человек сразу учитывает ожидаемые возможности удовлетворения потребности, т. е. наличие у себя благ более высокого порядка. Отражения объема потребностей взрослыми людьми — это в большинстве случаев желания искушенного, трезвого, реалистичного человека, а не безосновательные мечтания.

Конечно, многое зависит от формулировки вопросов, и, наверное, можно заставить человека оторваться от реальных ограничений, добавив к вопросу слова «если бы все было возможно», и т. п. Но в обычной ситуации, где ничего специально не оговорено, человек сообщает нам не о полном объеме своих потребностей, а нечто близкое к спросу. Эта тенденция тем более усиливается, когда от разговора о том, что хочется, индивид переходит к планированию действий (своих или чужих) для достижения желаемого. Здесь цель эксплицитно связывается со средствами, и поэтому объем цели — это всегда объем спроса, а не полный объем потребности.

Многие факты, которые обычно истолковывают как примеры развития потребностей личности, есть на самом деле возрастание спроса, переход человека от «предъявления» своих урезанных потребностей к предъявлению их во все более полном объеме. Например, за счет введения в последнее время разнообразных технических усовершенствований при прежних затратах домашнего труда можно достичь более высокого качества питания и других аспектов быта, поэтому возросли и соответствующие притязания.⁶⁷

⁶⁶ К выводу об универсальности понятия спроса пришли и другие авторы (см., например: Lea S. E. G. The psychology and economics of demand. — *Psychological Bulletin*, 1978, vol. 85, p. 441 — 466; Allison J. Demand economics and experimental psychology. — *Behavioral Science*, 1979, vol. 24, p. 403-415).

⁶⁷ Мацковский М. Семья для своего блага. — *Семья и школа*, 1979, № 1, с. 29.

Понятно, что величина, характеризующая объем потребности x в момент t_i , тесно связана с величиной блага x , уже имеющегося в этот момент у субъекта. Первая из них представляет собой разность между максимальным объемом потребности (в какой-либо момент t_k) и второй величиной. Эту закономерность можно выразить в виде простой формулы:

$$\text{Объем потребности } x_{t_i} = \frac{\text{максимальный объем потребности } x}{\text{максимальный объем потребности } x} - \text{объем блага } x_{t_i}. \quad (1)$$

Вторая группа характеристик — это *параметры удовлетворенности и неудовлетворенности*. По существу значения данных параметров — это те же величины наличного блага или потребности, уже фиксированные в показателях объема, но выраженные в более абстрактных, неименованных, относительных шкалах, которые поэтому являются универсальными для разных потребностей или благ. Нельзя сравнивать объем потребностей в деньгах и, например, в общении или объем соответствующих благ: одна величина выражается в рублях, вторая же в количестве контактов, в их длительности и др. Но удовлетворенности (или неудовлетворенности) этих потребностей сравнению вполне поддаются.

Неудовлетворенность потребности x в момент t_i — это отношение объема этой потребности в данный момент к ее максимальному объему в момент t_k . Данный показатель характеризует, таким образом, относительную величину объема потребности:

$$\text{Неудовлетворенность потребности } x_{t_i} = \frac{\text{объем потребности } x_{t_i}}{\text{максимальный объем потребности } x}. \quad (2)$$

По аналогии, удовлетворенность — это отношение величины имеющегося у человека блага к максимально необходимой, т. е. к полному объему соответствующей потребности. Таким образом, степень удовлетворения потребности можно рассматривать как относительную величину блага.

У. Джемс предложил ныне широко известную формулу частного вида удовлетворенности — удовлетворенности человека самим собой:

$$\text{Самоуважение} = \text{успех}^{68} \quad (3)$$

притязания

Если обобщить эту формулу, то на место самоуважения надо поставить удовлетворенность некоторой потребности в момент t_i на место притязаний — максимальный объем этой потребности в момент t_k , a на место успеха — объем блага, реально имеющегося в момент t_i :

$$\text{Удовлетворенность} = \frac{\text{объем блага } x_{ii}}{\text{максимальный объем}} \quad (4)$$

потребности x

Благо x и потребность x , фигурирующие в этой и предшествующих формулах, могут быть ценностями как первого, так и более высоких порядков. В последнем случае удовлетворенность потребности x оказывается в то же время *возможностью* удовлетворения некоторого множества других потребностей, характеризующихся более низким порядком, чем x . На это справедливо обращают внимание А. А. Мурутар и П. А. Вихалемм.⁶⁹ Но определять удовлетворенность только как возможность все же неправомерно, поскольку в этом случае за рамками рассмотрения остается удовлетворенность потребностей *первого* порядка.

Поскольку объем потребности и объем имеющегося в этот же момент блага тесно связаны (1) и находятся во взаимно обратных отношениях, то также связанными между собой оказываются параметры неудовлетворенности и удовлетворенности: с ростом одного из них падают значения другого. Поэтому в принципе неважно, какой из них измерять.

Дело, однако, осложняется тем, что чаще всего применяют комбинированную шкалу, образованную путем сращения шкал неудовлетворенности и удовлетворенности. В итоге получается, например, такая шкала: совершенно не удовлетворяет (1), скорее не удовлетворяет (2), не могу сказать, удовлетворяет или нет (3), скорее удовлетворяет,

⁶⁸Джемс У. Психология. Спб., 1898, с. 143. — Термин «успех» здесь вводит в заблуждение: успех — «success» — это уже оцененный результат, а Джемс, судя по контексту, имеет в виду исходный, «сырой» результат.

⁶⁹Мурутар А. А., Вихалемм П. А. Некоторые проблемы комплексного исследования удовлетворенности заводского коллектива. — В кн.: Труды по социологии. Тарту, 1972, II.

чем нет (4), вполне удовлетворяет (5). Подобное комбинирование психологически оправдано, поскольку оно, видимо, совпадает со спонтанной сменой оцениваемого параметра самим субъектом: пока объем отсутствующего блага велик и не перешел какую-то границу (например, пока он не сравнялся с тем, что уже имеется у субъекта), человек оценивает неудовлетворенность. А как только объем потребности сократился и пересек упомянутую границу, и значит одновременно вырос объем имеющегося блага, человек переходит к оценке удовлетворенности. Середина же шкалы — «не могу сказать, удовлетворяет или нет» — как раз и соответствует оценке пограничной ситуации (например, когда объем потребности примерно равен объему блага).

Путаница при истолковании двойной шкалы может возникнуть из-за того, что называют-то ее по имени только одной из составляющих — шкалой удовлетворенности — и при этом говорят, что значения удовлетворенности растут, например, от 1 до 5 (или от -2 до $+2$, если используется шкала типа: $(-2) - (-1) - 0 - (+1) - (+2)$)!

В эмпирических исследованиях параметры неудовлетворенности и удовлетворенности фиксируют почти всегда со слов самого человека, т. е. как психологическое отражение удовлетворенности. В отечественной науке преимущественно исследовалась удовлетворенность потребностей, связанных с трудом, но имеются и работы об удовлетворенности досугом, а также жизнью в целом.⁷⁰

Широкое исследование удовлетворенности выполнено американскими психологами в социологами в рамках проекта по изучению качества жизни.⁷¹ В этой работе

⁷⁰ Человек и его работа / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова. М., 1967; Муруттар А. А., Вихалемм Д. А. Указ. соч.; Ядов В. А., Киссель А. А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования. — Социологические исследования, 1974, Л» 1; Магун В. С. О взаимосвязях между значимостью различных потребностей личности и их удовлетворенностью. — Вопросы психологии. 1978, № 6; Патрушев Б. Д. Удовлетворенность свободным временем как социальный показатель. — Социологические исследования, 1979, № 1; Мугдыбаев К. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия (пз опыта эмпирических исследований). — В кн.: Рабочий класс СССР па рубеже 80-х годов / Под ред. Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, А. К. Назимовой. М., 1981, ч. II.

⁷¹ Campbell A., Converse Ph. E., Rodgers W. L. The quality of American life. Perceptions, evaluations and satisfactions. New York, 1976.

получены данные об удовлетворении потребностей, связанных с пятнадцатью сферами жизни. Все сделанные оценки оказались сдвинутыми в сторону позитивных значений удовлетворенности. Судя по средним, максимальное удовлетворение у американцев вызывает супружество (6.3 балла по 7-балльной шкале!), семейная жизнь, собственное здоровье, соседские отношения, минимальное — размеры сбережений и формы их использования, степень образованности, уровень жизни, эффективность использования своего образовательного потенциала, жилищные условия.

Характеристики субъективной удовлетворенности естественно связаны с эмоционально-оценочными формами отражения потребностей и благ, которые были описаны выше. Общая закономерность состоит в том, что с ростом удовлетворенности любой потребности происходит постепенный переход от отрицательных оценок соответствующего аспекта через нейтральную область к положительным оценкам. Но, как уже говорилось выше, иногда субъективные континуумы потребность—благо содержат только негативно-нейтральную, а иногда, наоборот, только нейтрально-позитивную зоны. Это обстоятельство нельзя не учитывать, когда мы «привязываем» эмоционально-оценочные континуумы к шкалам удовлетворенности.

Есть и еще один способ выделения в однородном континууме удовлетворенности качественно разнородных зон. Вот как он применяется, например, по отношению к потребности в пище. Выделяются три уровня удовлетворения: удовлетворение до уровня, при котором обеспечивается только сохранение жизни, степень удовлетворенности, обеспечивающая поддержание здоровья, и, наконец, еще более высокий уровень удовлетворения, имеющий «просто значение удовольствия».⁷² Легко заметить, что в этом членении смешаны объективный и субъективный параметры удовлетворенности, но если не обращать внимания на этот недостаток, то подобная классификация удобна. Притом она соответствует и шкале эмоциональных переживаний: отрицательные эмоции на первом уровне, нейтральное состояние — на втором и положительные эмоции — на третьем.

Третья группа свойств — параметры, которые обозначаются терминами "*ценность*", "*важность*", "*значимость*",

⁷² Менгер К. Указ. соч., с. 89.

«валентность» и им подобными. Классификация того или иного объекта или состояния как важного или ценного для человека означает, что этот объект или состояние является благом или потребностью, квалификация же как неважного означает, что он не является ни тем, ни другим. Высокая значимость говорит о том, что данный фактор сильно влияет на сохранение или развитие субъекта (неважно, в какую сторону — в худшую или в лучшую), а нулевая значимость — что указанное влияние отсутствует. Таким образом, ценность, важность и им подобные свойства того или иного аспекта действительности — это его способность своими изменениями влиять на объем блага или потребности, величину удовлетворенности или неудовлетворенности.

Из данного определения ценности или значимости следует ее разделение на позитивную (влияние в сторону повышения сохранности и развитости), негативную (влияние в сторону понижения сохранности или развитости) и нейтральную (отсутствие влияния в каком-либо из направлений).

Рост влияния какого-либо фактора на удовлетворенность, т. е. увеличение его ценности, должен, по определению, приводить к повышению его объема либо в качестве блага, либо в качестве потребности и, следовательно, к повышению удовлетворенности или неудовлетворенности этим фактором. Если используется описанная выше шкала удовлетворенности-неудовлетворенности, то ценность будет расти по мере движения от центра шкалы к ее периферии. Это подтверждается корреляциями между ценностью (значимостью) и удовлетворенностью, полученными в разных «половинках» данной шкалы.⁷³ В этой комбинированной шкале, варьирующей, например, от -2 до $+2$, значимость является как бы модулем удовлетворенности или скалярной удовлетворенностью. Удовлетворенность же это, наоборот, векторная значимость: утверждение, что тот или иной фактор позитивно значим,

⁷³ См.: *Friedlander F. Relationships between the importance and the satisfaction of various environmental factors. — Journal of Applied psychology, 1965, vol. 49, p. 160—164.* — Аналогичные корреляции получены нами на массиве ленинградских рабочих.

Данное обстоятельство не исключает того, что значимость какого-либо фактора, выступая как индикатор силы соответствующих побуждений, может влиять на последующую удовлетворенность этим фактором (подробнее см.: *Магун В. С. Указ. соч.*).

эквивалентно тому, что «я этим фактором удовлетворен», утверждение, что он негативно значим — тому, что «я им неудовлетворен». Отсюда следует также, что значимость фактора совпадает с его эмоциогенностью, или — в более общем виде — со способностью породить оценки.

Итак, все основные параметры, характеризующие потребности и блага — актуальный объем блага и потребности, удовлетворенность-неудовлетворенность и значимость, — закономерно связаны между собой.

До сих пор мы рассматривали параметры отдельных ценностей. Что же касается свойств *системы* ценностей, то важнейшим из них является способность ценности более высокого порядка порождать ценность более низкого порядка. Эту способность называют инструментальностью ценности более высокого порядка по отношению к ценности более низкого, или, наоборот, доступностью ценности более низкого порядка для ценности более высокого. У термина доступность много синонимов (особенно, когда речь идет о доступности действия), — осуществимость, посильность, выполнимость, возможность приобретения. . . Термины «инструментальность» и «доступность» подходят, главным образом, для описания причинно-следственных связей между благами.⁷⁴ Но поскольку для связей между *потребностями* аналогичных терминов нет, можно пока применять термины, описывающие соотношения благ, и к соотношениям между потребностями.

Если ценности связаны отношениями инструментальности (или доступности), то взаимосвязанными являются и их параметры. Например, объем блага *n*-ного порядка определяется объемом ресурсов (благ более высокого порядка) и их расходом на единицу этого блага, удовлетворенность *n*-ным благом будет в точности равняться удовлетворенности ресурсами, а его полезность — полезности ресурсов.

В большинстве случаев субъекту достоверно неизвестны причинно-следственные отношения между ценностями, и он

⁷⁴ В зависимости от характера ресурсов, используемых для достижения результата, различают несколько аспектов доступности. Так, А. В. Баранов выделил четыре аспекта, существенных для удовлетворения потребностей жителя крупного города, — пространственно-временную, экономическую, юридическую и культурную доступность. (См.: Баранов А. В. Социальная инфраструктура крупного города. — Известия АН СССР, серия экономическая, 1980, № 4, с. 65).

оценивает их в терминах субъективной вероятности — вероятности («возможности») будущего приобретения блага или возникновения потребности при наличии определенных исходных условий; эта вероятность обычно меньше единицы. (Поэтому, кстати, столь необходимым для адекватного психического отражения причинно-следственных связей между ценностями разных порядков является такое качество человека как уверенность, способность противостоять сомнениям). Субъективная неопределенность как бы снижает субъективные величины объема, удовлетворенности и значимости будущих ценностей, что естественно снижает в представлении человека и характеристики соответствующих ценностей более высокого порядка (ресурсов и «антиресурсов»).

Рассмотрим теперь соотношения между *одновременными, сосуществующими*, ценностями. Большинство инструментальных ценностей поливалентны. Если взять в качестве простейшего примера пиджак, то он и согревает, и служит для хранения мелких предметов, и украшает человека.⁷⁵ Произведение искусства удовлетворяет и эстетические, и внеэстетические потребности человека.⁷⁶ Многие феномены сочетают инструментальную и самоценную полезность: например, здоровье является благом для человека и само по себе, и как средство для многих видов деятельности.

В ряде случаев можно расчленить оцениваемые объекты и ликвидировать таким способом их поливалентность. Можно, в частности, утверждать, что только карманы, а не пиджак в целом, используются для хранения мелких предметов. Но и при более дробном членении, т. е. при переходе от молярного к молекулярному и субмолекулярному уровню, не всегда удается ликвидировать совпадающие у носителей разных валентностей элементы. Чем больше шагов членения (дробления) целостного объекта или процесса требуется для того, чтобы избавиться от его поливалентности, тем более она органична для рассматриваемого целого.

⁷⁵ Коломийцев И. Н. Принципы классификации промышленных товаров по потребительным свойствам. М., 1975, с. 16.

⁷⁶ Дадамян Г. Г., Дондурей Д. В., Невлер Л. Е. Восприятие монументального искусства — типы, механизмы, эффективность (опыт эмпирического исследования). — В кн.: Вопросы социологии искусства. М., 1979.

Ценности, лидирующие (по данным эмпирических исследований) в сознании респондентов, как правило, имеют поливалентный характер. Таковы «мир», «хорошая обстановка в стране», «дети», «друзья», «работа», «семейная жизнь», «деньги» и т. п.

Поливалентность может выступать как в форме множественной полезности (полифункциональности), так и в форме «множественной вредности». Особого внимания заслуживает феномен амбивалентности, т. е. сочетание в одном предмете полезных и вредных свойств. В этом случае последние выступают в качестве *цены* за использование первых. Итоговая ценность какого-либо события или их системы вычисляется посредством алгебраического суммирования его частных ценностей (или валентностей). Применительно к деятельности и ее результатам эта суммарная ценность эквивалентна показателю эффективности. Последний обычно определяют как разность между «результатами» (позитивными ценностями) и «затратами» (абсолютными величинами негативных ценностей), или как отношение «результатов» к «затратам».

Разные валентности одного и того же предмета или действия неодинаковы также и с точки зрения своего порядка. Во многих объектах можно выделить валентности низкого и высокого порядков, или в других терминах — непосредственные и опосредованные, сиюминутные (ближние) и отсроченные (дальние). Например, многие виды напряженной работы приносят обычно быстрые отрицательные результаты (усталость, отказ от развлечений и т. п.) и медленные положительные (достижение предметного результата и получение социальных вознаграждений за него). Конфликт ближнего и дальнего благ имеет место и применительно к деньгам: их можно потратить сразу на удовлетворение текущих потребностей или, пожертвовав сегодняшними радостями, превратить в промежуточное благо — в сбережения — и лишь затем употребить на удовлетворение конечных потребностей (например, на приобретение товаров длительного пользования). Расслоение значимостей на «ближние» и «дальние» имеет важные последствия для психической регуляции деятельности.

Следующий этап конкретизации представлений о значимости и тесно связанных с нею параметрах удовлетворенности—неудовлетворенности — это переход от представления об удовлетворении и актуализации потребностей

как об одномоментных актах («состояниях») к представлению о них как о *процессах* состоящих из последовательных, предельно малых по длительности этапов. Данный переход связан с введением понятий о предельных и приростных величинах — фундаментальных категорий современного экономико-математического анализа.⁷⁷ Предельная значимость какого-либо фактора (его предельная полезность или вредность) — это способность единицы этого фактора изменять объем благополучия субъекта.

Существенной закономерностью является изменение предельной полезности инструментального блага в процессе удовлетворения потребности: на начальных этапах приобретение каждой новой порции блага имеет более важное значение (от него иногда зависит сохранение самой жизни), чем на последующих. Одна из формулировок этой закономерности, которая получила название «принципа убывающей предельной полезности», гласит: «Каждая дополнительная единица того или иного блага повышает его общую полезность в меньшей мере, чем предыдущая».⁷⁸

Параметр значимости прямо связан с побудительной силой данной потребности, с ее способностью быть целью или мотивом деятельности.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПСИХИКЕ И ПОБУДИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА

Следующая фундаментальная проблема рассматриваемой предметной области, возникающая при любых попытках ее теоретического осмысления, касается взаимоотношений между ценностями индивида и ценностями других людей и социальных групп, а также способов объяснения факта очевидной социальной полезности индивидуальной деятельности.

В самое последнее время в нашей литературе появились работы, подчеркивающие высокую актуальность указанной проблемы. От имени наук, изучающих общество, со-

⁷⁷ Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь. М., 1979, с. 216-217.

⁷⁸ Georgescu-Roegen N. Utility. —In: International encyclopedia of social sciences. New York, 1968, vol. 16, p. 236.

ответствующую проблему остро сформулировал В. Б. Голофаст. Он показал, что сейчас существует «два вида концептуальных систем, претендующих на статус теорий деятельности».⁷⁹ Первый вид концепций Голофаст обозначил как Ц-теорию — теорию регуляции деятельности индивида посредством его целей. Ц-теория, по мнению автора, «является принципиально теорией изолированной деятельности изолированного субъекта».⁸⁰ Второй вид концепций назван Голофастом Ф-теорией, поскольку в них деятельность индивида объясняется исходя из ее функций в рамках общественной системы, т. е. рассматривается как средство удовлетворения потребностей этой системы.

От имени наук, изучающих индивида, остроту проблемы соотношения индивидуальных и социальных потребностей подчеркнул Б. Ф. Ломов. Он подверг критике традиционный психологический анализ индивидуальной деятельности за то, что в последнем «совершенно упускается из виду взаимодействие индивида с другими людьми».⁸¹ Индивидуальная деятельность должна изучаться «в системе общественных отношений, сложившихся в данном обществе на данной ступени его исторического развития».⁸² Важным выводом из этого общего требования является положение о том, что «в мотивах индивида отражаются не только его индивидуальные потребности. В них отражаются также и потребности общества» и, в частности, «тех общностей людей, которым принадлежит данный конкретный индивид (например, семья, трудовой коллектив, спортивная команда, школьный класс и т. д.)».⁸³

Существуют, по-видимому, две принципиально различных формы организации социально полезной деятельности индивида. Они различаются и своими социальными механизмами, и содержанием отраженных в психике человека (посредством эмоциональных и рациональных оценок) ценностей. С точки зрения представленности социальных ценностей в психике субъекта, две упомянутых формы

79 Голофаст В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1980, с. 85.

80 Там же, с. 90.

81 Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии. — Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 5.

82 Там же, с. 6.

83 Там же, с. 12 (разрядка автора).

побуждения его социально полезной деятельности можно различать как *прямою* и *косвенную*.

В случае *прямого* побуждения потребности и блага других людей и социальных групп отражаются в психике человека в тех же эмоционально-оценочных формах, которые характерны для отражения им своих собственных ценностей. В этом случае образ *чужого* блага или *чужой* потребности сопровождается у субъекта переживаниями *собственного* удовольствия или страдания. Подобное отражение осуществляется человеком посредством не только эмоционально-автоматизированных, но и произвольно-рациональных оценок: человек не только переживает за других людей, но и *думает* об их благополучии.

Оценочные отражения потребностей и благ других людей легко сопоставляются, сравниваются индивидом по силе с отражениями его собственных потребностей и в результате подобных сравнений часто одерживают верх. В. Б. Голофаст и Г. Ф. Красноносенко изучили ответы представителей разных групп городского населения на вопросы о том, что их больше всего заботит в жизни и что доставляет наибольшую радость. Анализ показал, что наиболее значимым для респондентов является благополучие членов их семьи, хотя и близких, но все же *других* людей. При этом первыми в качестве источников забот и радостей названы дети.⁸⁴

В результате обследования ценностных ориентации ленинградских инженеров Г. И. Саганенко и В. А. Ядов также обнаружили, что индивид полагает значимым для себя благополучие других людей — ценности «счастливая семейная жизнь», «любовь» и «дружба», предполагающие заботу о чужих интересах, оказались в первой трети списка, содержащего 18 различных ценностей. В этом исследовании использовался модифицированный и адаптированный вариант методики М. Рокича. По данным самого Рокича, полученным на репрезентативных американских выборках, благополучие семьи занимает одно из ведущих мест в системе ценностей респондентов: средний ранг этой ценности (которая формулировалась в его методике как «безопасность семьи») равнялся 3.8 как

84 Голофаст В. Б., Красноносенко Г. Ф. Структура жизненных ориентации. — В кн.: Семья в крупном городе / Под ред. В. Б. Голофаста. Л., 1983, с. 171—174.

85 Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979, с. 88-100.

в группе женщин, так и в группе мужчин, что в ряду средних значений соответствовало второму месту.⁸⁶

Сходство прямого отражения социальных ценностей с механизмами отражения индивидом своих собственных ценностей недвусмысленно выражается в ряде распространённых терминов и формулировок. Например, говорят о боли, страхе, радости не за себя, а за кого-то другого, об отношении к другому человеку, как к самому себе. М. С. Каган предполагает, что именно отношение к другому как «к себе подобному» является сущностью процесса общения.⁸⁷ Для обозначения реакции одного животного на сигналы о состоянии потребностей другого П. В. Симонов ввел термин «эмоциональный резонанс».⁸⁸ У. Джемс в свое время предложил понятие «расширенного Я» («extended self»), куда, в частности, включил образы близких индивиду людей.⁸⁹ В. С. Мерлин, указывая на конструктивность введенного Джемсом понятия, в то же время подчеркивает частный характер той конкретной формы, которую это понятие приобрело у его автора.⁹⁰ В состав «расширенного Я» развитой личности входит не только содержание непосредственного социального и предметного окружения, но гораздо более широкие социальные и несоциальные образования: большие группы людей, общество и даже человечество в целом, Земля и т. п. Близкий смысл имеет понятие «Я-включенности», или «Я-вовлеченности». Психическими механизмами познания чужих потребностей являются сопереживание, сочувствие, эмпатия.

Следовательно, субъект способен эмоционально переживать потребности и блага других людей и общества в целом так же, как он переживает свои собственные по-

86 Rokeach M. The nature of human values. New York, 1973, p. 57. Приведенные выше данные являются, пожалуй, несколько неожиданными в сопоставлении с некоторыми теоретическими положениями, выраженными, например, в формулировке Н. М. Римашевской: «Элементарные потребности, как правило, более настоятельны и интенсивны, чем социальные» (см.: Римашевская Н. М. Принципы прогнозирования народного благосостояния. — В кн.: Потребности, доходы, потребление. М., 1979, с. 20).

87 Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. R2.

88 См.: Нейрофизиологический подход к анализу внутривидового поведения. / Под ред. П. В. Симонова. М., 1976.

89 Джемс У. Психология. Пер. с англ. СПб., 1898.

90 Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности (главы из монографии). — В кн.: Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермь, 1970, вып. VI, с. 175—176.

требности и блага. В этих случаях образ чужого блага или потребности прямо порождает у человека переживание его собственного удовольствия или неудовольствия, а его представления о *своих* ценностях вообще не участвуют в этом процессе. Поэтому, характеризуя подобные формы отражения социальных ценностей, говорят, что человек «не думает о себе», «забывает себя», а также, что социальные ценности им интернализированы. С равным правом можно сказать, что индивид забывает о том, что перед ним *другой* человек, воспринимая его радости и беды как свои собственные.

Общепризнано, что многие из этих альтруистических оценок формируются в процессе социализации. В то же время существуют, по-видимому, и врожденные формы эмоционального отражения некоторых наиболее устойчивых социальных ценностей, как конечных, так и инструментальных.

Бесспорные факты наличия прямых форм отражения социальных потребностей и благ обычно подвергаются неадекватной, на наш взгляд, теоретической интерпретации. Сходство форм отражения ценностей принимают за сходство их объективных прообразов и на этой основе все потребности и блага, отражаемые индивидом в форме эмоциональных или рациональных оценок, трактуют как его собственные. В результате, независимо от намерений тех, кто придерживается подобной точки зрения, получается, что социальные потребности и блага выпадают как из числа детерминант эмоционально-оценочной сферы индивида, так и из числа прямых побудителей его деятельности. Вряд ли нужно пояснять, как искажается при этом картина реальной жизнедеятельности индивида, как уравниваются резко различные по социальной ценности эффекты его активности и как стремительно исчезают возможности для конструктивной теоретической постановки многих насущных проблем.

Пример такого некорректного теоретического преобразования социальных потребностей в индивидуальные — понятие о нравственных потребностях личности и близкие к нему понятия альтруистических потребностей, потребностей в благах других людей и т. п.⁹¹ Все эти потребности

⁹¹ См., например: Крутов Н. Н. Нравственные потребности личности. М., 1981; Чхартшвили Ш. Н. Роль и место социогенных потребностей в учебно-воспитательной деятельности. - В кн.: некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потреб-

и соответствующие им блага рассматриваются в качестве самоценных, предполагающих отношение к другому человеку как к цели, а не как к средству.

Если следовать трактовке потребности как объективного состояния, связанного с нарушением сохранения и развития субъекта или с возникновением предпосылок для подобного нарушения, то понятие нравственной потребности личности теряет смысл. Ведь исходным-то в проявлениях так называемых «нравственных потребностей» выступает неблагополучие другого человека, а не носителя соответствующего нравственного переживания, последний лишь отражает (более или менее адекватно) это объективное неблагополучие. Следовательно, в психическом феномене, который называют нравственной потребностью, на самом деле отражаются потребности не самого субъекта, а других людей. Точно также и муки совести — это переживание субъектом неудовлетворения не своих, а чужих потребностей.

В ответ нам могут предложить: давайте вообще оставим в стороне вопрос об объективных прообразах эгоистических и альтруистических оценок (в т. ч. эмоций и чувств) и ограничимся анализом лишь самих субъективных феноменов. При этом альтруистические оценки назовем нравственными потребностями. Но это предложение, к сожалению, нельзя реализовать, не лишив себя одновременно концептуальных средств для сколько-нибудь серьезного, научно и практически полезного различения этих двух групп оценочных феноменов. Ведь их нравственная дифференциация и основывается в конечном счете на различиях в социальной полезности тех объективных результатов, к достижению которых побуждают субъекта эгоистические и альтруистические оценки и которые в них отражаются.

В итоге можно утверждать, что субъект часто является носителем эмоциональных и рациональных оценок, отражающих интересы сохранения и развития внешних систем (прежде всего окружающих людей и их групп). Кроме того, в ряде случаев он также является носителем целей, мотивов, направленностей, стремлений, имеющих

ностей / Под ред. Ш. Н. Чхартишвили. Тбилиси, 1974, с. 23; *Рогова Н. В.* Потребность помощи и сочувствия и психологические закономерности ее развития в школьном возрасте (I—X классы).— Там же.

своим содержанием благо этих внешних систем, и данные феномены побуждают его к социально полезной деятельности. Но в то же время нужно со всей ясностью заявить, что *человек не является носителем потребностей* указанных *внешних систем*, поскольку потребность системы это ее собственная принадлежность. Поэтому, в частности, понятие об альтруистических, нравственных и им подобных потребностях является неконструктивным.

Сказанное выше не исключает того факта, что в некоторых случаях объективные потребности и блага разных систем могут совпадать. Например, потребность в продолжении рода, которую всегда относят к потребностям индивида, связана с сохранением не только его самого, но и вида в целом, поскольку потомку передаются не только гены родителя, но и других, более отдаленных предков. И уж, как минимум, эта потребность совпадает с интересами еще одного человека — второго родителя будущего ребенка. Точно также тропа в зарослях, проложенная человеком для себя, является и благом для всех тех, кто ею потом воспользуется. В подобных случаях совпадение ценностей других людей с ценностями субъекта формируется спонтанно, не требуя с их стороны каких-либо организаторских усилий, поэтому индивид часто и не замечает, что, добываясь своих целей, он одновременно приносит пользу и другим.

Но условия, при которых у индивида возникают объективные потребности и блага, совпадающие с ценностями других людей и социальных групп, могут быть и специально организованы заинтересованными в этом социальными силами. Организация подобных совпадений составляет важную часть социальных усилий, направленных на *косвенное* побуждение "индивида к социально полезной деятельности.

Это достигается путем создания определенных объективных связей между социальными и индивидуальными ценностями. Социально полезные действия субъекта встраиваются в цепочку значимых для индивида событий, так что их выполнение оказывается необходимым средством достижения человеком индивидуально полезных результатов. Тем самым эти социально полезные действия приобретают полезность и для самого индивида, становясь его инструментальными благами.

Что же касается психологических механизмов, то при прямом и косвенном побуждении индивида к социально

полезной деятельности они принципиально различны. В первом случае, как уже говорилось, субъект переживает чужую ценность как свою собственную, «забывает о себе». Во втором же случае, если рассматривать его крайнюю форму, человек думает только о себе, эмоционально переживает только свои ценности, стремится только к своему благополучию,⁹² но при этом благодаря совпадению его личного блага с общим индивид производит социально полезные результаты. Выполняя социально заданные ему действия, человек может в той или иной мере осознавать их вынужденный характер, а также то, в чьих интересах он действует.

Индивидуально значимые события, идущие вслед за социально значимыми, квалифицируются как награды или наказания. В качестве таковых очень часто выступают простейшие формы благодарности, одобрения или, напротив, порицания, т. е. социальные оценки, неподкрепленные какими-либо особыми «материальными» воздействиями.

Основное различие между социальным побуждением деятельности посредством поощрений и посредством наказаний касается причастности организующей системы к возникновению потребностей субъекта. Обещание награды — это обещание удовлетворить потребность, возникшую независимо от организатора деятельности.

Обещание не налагать наказания в случае, если субъектом будет достигнут социально ценный результат — это намерение снять потребность, созданную самим организатором. Как следствие этого в вариантах с наказаниями принятие чужого блага в качестве инструментальной субъективной ценности воспринимается человеком как более вынужденное извне, менее свободное, чем в варианте с наградой. Обещание организатором награды за социально полезный поступок можно было бы назвать «социальным предложением», а для обещаний, связанных с наказаниями, больше подходит термин «социальное требование».⁹³ Социальная организация деятельности

⁹² Аналогичная ситуация создается, когда социально полезное действие индивида выступает как вынужденное средство для удовлетворения не его собственной, а тоже чужой, по интернализированной потребности.

⁹³ Социальное предложение и социальное требование — это по существу предъявление субъекту «платежной матрицы», в которую входят действия, награды (или наказания) и связи между ними.

посредством наград выступает в форме социального обмена благами.

Социально полезное действие, если оно психически регулируется только косвенно, через индивидуальные ценности, не имеет для субъекта самостоятельной положительной ценности, а чаще всего, наоборот, связано с определенными издержками. Поэтому эмпирически отчетливым признаком данного типа социально полезной активности является стремление субъекта выбрать такой вариант, при котором его собственные приобретения максимальны, а потери минимальны, несмотря на то, что при этом часто происходит снижение социального эффекта деятельности. Поиски оптимальных форм социальной организации деятельности как раз и направлены на то, чтобы уменьшить возможность подобных рассогласований между ее социальными и индивидуальными результатами.

Итак, в психике индивида представлены в качестве побудителей его деятельности психические отражения и индивидуальных, и социальных потребностей и благ. социально полезная деятельность индивида может порождаться как за счет того, что он прямо отражает (в форме эмоциональных или рациональных оценок) *социальные ценности*, так и за счет того, что он отражает *только свои собственные ценности*, которые объективно совпадают с социальными.

Для адекватного понимания процессов психической регуляции деятельности крайне важно не смешивать принадлежность потребности или блага той или иной системе со способом их отражения субъектом. Независимо от своей принадлежности потребности или блага могут порождать эмоциональные переживания либо автоматически (в этом случае они выступают в психике как ценности первого порядка), либо благодаря произвольной рациональной деятельности (в этом случае они выступают в психике как инструментальные ценности, или ценности высоких порядков).

Конечно, субъект часто различает, чье благо — свое или чужое или свое и чужое одновременно — он пресле-

⁹⁴ Анализ разных форм социального обмена см. в работе: *Наумова Н. Ф.* О социологическом и экономическом подходах к трудовой мотивации. - В кн.: Мотивация экономической деятельности. М., 1980. (Сб. трудов ВНИИСИ, вып. 11).

дует или чью потребность депривирует, но побудительная сила потребностей и благ определяется не их воспринимаемой принадлежностью, а эмоционально-оценочной информацией о величине ценности, которая в принципе не зависит от ее воспринимаемого носителя.

Благодаря единому эмоционально-оценочному континууму индивидуальных и социальных ценностей в психике субъекта у него имеется возможность в ряде задач оперировать с образами потребностей и благ, абстрагируясь от их принадлежности тому или иному носителю и учитывая только формальные характеристики валентности эмоционального переживания. Поэтому понятия о субъективных отражениях ценностей (эмоциях, оценках, целях и т. п.), а также характеризующих их параметрах оказываются применимы к анализу целостной деятельности индивида, а не только к одной из ее ипостасей — индивидуально либо социально ориентированной.